

18+

Сергей Шинкарев

И плакал Цыган

Три рассказа

Сергей Шинкарев

И плакал Цыган. Три рассказа

«Издательские решения»

Шинкарев С.

И плакал Цыган. Три рассказа / С. Шинкарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980229-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Все
здорово ты сделал: история, стиль, легкость повествования, и главное
— накатывает неотвратимое чувство приближения чего-то важного,
непонятного, но такого знакомого, может, неизвестной и бесконечной жизни.
Поздравляю. Удалось!/Евгений Климов/

ISBN 978-5-44-980229-3

© Шинкарев С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Поезд во взрослую жизнь	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

И плакал Цыган Три рассказа

Сергей Шинкарев

© Сергей Шинкарев, 2020

ISBN 978-5-4498-0229-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Заканчивался 1993 год. Страна сжигала мосты. И я вместе с ней, по инерции. Позади остались 27 лет, прожитых на Крайнем Севере. Пришлось начинать с чистого листа. Мне трудно давалось всё: терпеть дождь в декабре, заводить новых друзей, отдыхать на берегу моря с семьёй, искать работу и так далее. Материк не принимал меня, а я – его. То был самый болезненный, самый трагичный кусок моей жизни. Теперь, по прошествии пятнадцати лет, точно знаю – люди не должны переезжать. Нельзя покидать места, где ты родился, навсегда. Нельзя.

Через пару месяцев я сорвался к землякам, осевшим в Питере. Они готовы были дать и хлеб, и кров, и работу. Ребята попали на «сковородку» раскалённых девяностых годов, как к себе домой. Они крепко стояли на ногах, «держали» треть Питера и местные отморозки уважительно звали их «якутами». Я разглядывал «киношную» жизнь с разинутым ртом. От первой до последней минуты вся поездка была шоком.

– Оставайся – сказал один из них – работы невпроворот, на выходные будешь летать домой, к семье, на Кубань. Или сюда их привезём.

И я крепко задумался. Это был момент, когда вся жизнь стоит перед камнем с надписью. Но, я не был богатырём. Мне всю жизнь хотелось убежать от денег, насилия и, в конечном итоге, от правды. Наверное...

В ту ночь мы собрались в квартире, в центре Питера. Я думал и в голове кипело. Друзья пили домашнее вино, которое мне дала мама – трёхлитровую банку южного солнца. Зашёл ещё один наш и сказал коротко:

– Погиб Алька.

Он был последним человеком на северной земле, обнявшим меня у трапа, на лётном поле. И он угорел в машине именно в тот день – когда я стоял у развилки дорог, посреди ночного Питера. Человек, от которого у меня в памяти, осталась только его улыбка. Спустя столько лет – она такая, что я улыбаюсь прямо сейчас, печатая эти буквы.

– Ты только пиши, не бросай – сказал он на прощание.

Пишу...

24.05.2008

Поезд во взрослую жизнь

Закончив десять классов моей родной, бревенчатой, якутской школы, мне вздумалось учиться в большом городе. Огромном городе, в сравнении с моим десятитысячным посёлком, где родился и вырос. Учитывая мою неприспособленность к самостоятельной жизни, родители не отпустили меня одного, через полстраны. В цивилизацию мы поехали с отцом – человеком, для которого не существовало проблем. Они решались в момент возникновения: обходились очереди, появлялись билеты, по взмаху руки тормозили попутные самолёты. Я смотрел на отца с непреходящим изумлением и с тоской ждал, когда останусь один. Этот момент настал быстрее, чем хотелось.

Мы поступили в техникум, и отец доставил меня к бабушке, в деревню, за 300 километров от моего места учёбы. До начала студенческой жизни оставался месяц. Отец рассказал ещё раз о жуликах, негодях, бандитах. Велел никому ничего не отдавать и не дарить. Напомнил о своей нелёгкой доле недоучки и взял с меня слово, что буду учиться. Я честно пообещал стараться, мы обнялись, и папа улетел на Крайний Север. На луну, практически. Начался первый, в моей жизни, месяц независимости. Безудержно пьяный месяц, прошедший в поисках первой женщины. Главное, чему я научился в этот период – строить из себя успешного двадцатипятилетнего мужчину. Отдельные барышни давали 27.

Из напряжённого графика начинающего Казановы меня выбил один из многочисленных родственников. Ранним утром он вторгся на площадку детского сада, где мы с подругой допивали три литра браги и собирались расписаться. Сообщение о том, что через два часа поезд и пора учиться, оказалось кстати. Мне уже полчаса, как расхотелось жениться. Мы страстно расцеловались, я дал все необходимые обещания и отбыл к прощальному завтраку с сородичами.

Долго ли коротко, но к поезду меня доставили на ногах. Правда, не особо твёрдых. На перроне, с десятков моих дальних родственников, продолжили проводы возлияниями. При этом, мужчины как один отмечали, что к самостоятельной жизни я не готов и перечисляли ждущие меня опасности. А меня крепко мутило, и я боялся лишь одного: неконтролируемого приступа тошноты. Так и шагнул в неизвестность – сдерживая рвотный рефлекс. И запомнив напутствие дяди: деньги, документы и билет – никому!

Соседи в купе оказались взрослыми людьми. Никаких преступных намерений они не выказали и, едва присев у двери, я забылся пьяным молодецким сном. Ненадолго. Поезд тронулся, через пять минут жизнь изменилась навсегда. Ещё не открыв глаз, я ощутил опасность и напрягся: меня трясли за плечо.

– Билет давай – не боюсь моих соседей, сказал парень в спортивных штанах, глядя мне прямо в глаза с нагловатой усмешкой. Дорогая джинсовая рубашка, дефицитные импортные кроссовки, стрижен почти налысо, лет на пять старше меня. С виду обычный дембель, но то, как он наехал на меня, говорило лишь об одном: беспредельщик.

Делая равнодушный вид, я отвернулся в сторону окна и быстро оглядел своих соседей. Они «стеклянно» рассматривали в стенки. Все трое были парализованы страхом, это читалось чётко. Их уже выдоили – понял я и ужаснулся. Случилось самое страшное, я попал в вагон, который «взяли» на гоп-стоп. Точно, ведь пока мы стояли на перроне, я ни разу не увидел проводника. Куда же бабушка смотрела... И тут на меня, словно матрац с верхней полки, упала тоска. В секунду дошло – один. Первый раз по-настоящему один и сразу вот так – без выхода, без надежды, даже без перочинного ножика в кармане.

– Ты оглох что ли? Билет доставай – повторил жулик и протянул руку. Перед глазами оказались набитые костяшки правого кулака.

– Не дам – коротко ответил я и сглотнул ужас. Поехали, братан. Посмотрим, что ты тут, в купе, со мной сделаешь.

– Ты чего, дядя? Заболел или как? Билет достал, быстро! – чувак пошёл «качать качели» без подготовки, «буром». Но здесь, в купе, он сможет только ударить. А бить неудобно и он меня не вырубит. А пока не вырубит – не вытащит в коридор. И не будут же эти, соседи трусливые, сидеть и смотреть. Неужели не помогут. Два мужика взрослых точно крепкие. Какого чёрта они молчат...

– Сказал! Не дам – я посмотрел ему в глаза так, как смотрел редко. Этот взгляд мне помогал иногда, не знаю почему. Помог и сейчас. Шарик сдулся. Противник пробурчал невнятную угрозу и захлопнул дверь купе. Мои мысли разогнались, ударились о стенки черепа и, по позвоночнику, ссыпались в задницу. Сейчас он с корешами вернётся меня убивать. Мёртвая тишина в купе была лучшим подтверждением. Я ощущал на себе взгляды соседей. Они словно прощались со мной.

Мысли об окне отпали сразу. Они ворвутся, как только я его разобью. Потому что, выпрыгнуть сразу нельзя. Надо видеть, куда прыгать. Хотя, лучше развалить себе череп о столб, чем поднимут на ножи в тамбуре. Но я боюсь. И ножей, и прыгать, и вообще всё это сон. Я же школьник, они же не могут так делать... Могут. Всё именно так, как рассказывал отец. И старшие пацаны во дворе. И мужики, старые зеки, на работе у отца. Они все как будто знали, что я скоро умру. Отец чуть не заплакал, когда уезжал. Но почему так? За что?

Дверь в купе открылась. Их было трое. Все в «спортивках» с лампасами и одинаковых кроссовках. Они стояли там, на перроне, в стороне от нас – я вспомнил, что ловил на себе их изучающие взгляды. Эти подонки всё чётко просчитали. Зачем я пил? Ведь всё можно было заметить сразу и не садиться в этот вагон, в этот проклятый поезд. Сейчас они меня вытащат из купе.

– Вот он – сказал мой знакомец и отступил чуть вбок. Первым встал их главный. Он был настоящий боец, примерно на полголовы выше своих бомбил. Удивительно, но мне стало вдруг легче. Бомбилы выглядывали из-за него настороженно. Трое взрослых на одного пацана – нормально. Мне даже показалось, что мужики в купе «подпишутся», если скажу. И я оборвал тянучку.

– Билет не дам. Всё, хорош разговаривать – эту фразу мне удалось сопроводить наиболее тяжёлым из всех своих взглядов. Не помогло. Громила разглядывал меня с каким-то странным интересом.

– У тебя билет вообще есть? – неожиданно добродушно спросил он. В голосе была слабость. Они чего-то боялись, определённо.

– Какая разница. Ты чо хочешь? Говори, бродяга – с саблей наголо я попёр на танки. И тут бродяга коротко ответил:

– Пойдём.

Этого «пойдём» я боялся с самого начала. Знал, что позорно не пойду. Будут вытаскивать из купе, попытаются ударить в висок, чтобы вырубить, я судорожно стану цепляться за ручки, соседи не вякнут, весь вагон будет слышать, что меня убивают, я буду визжать и кусаться, отец будет знать, что перед смертью я струсил... сука, я чмо, но я не пойду...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.